

³ Майер служил врачом при штабе командующего войсками Кавказской линии и Черноморья.

⁴ «Михаил Юрьевич Лермонтов в заметках его товарища». — «Русская старина», 1884, № 12, стр. 592.

⁵ См. статью: Э. Герштейн. Лермонтов и «кружок шестнадцати». — Сб. «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова». М., ГИХЛ, 1941, стр. 88.

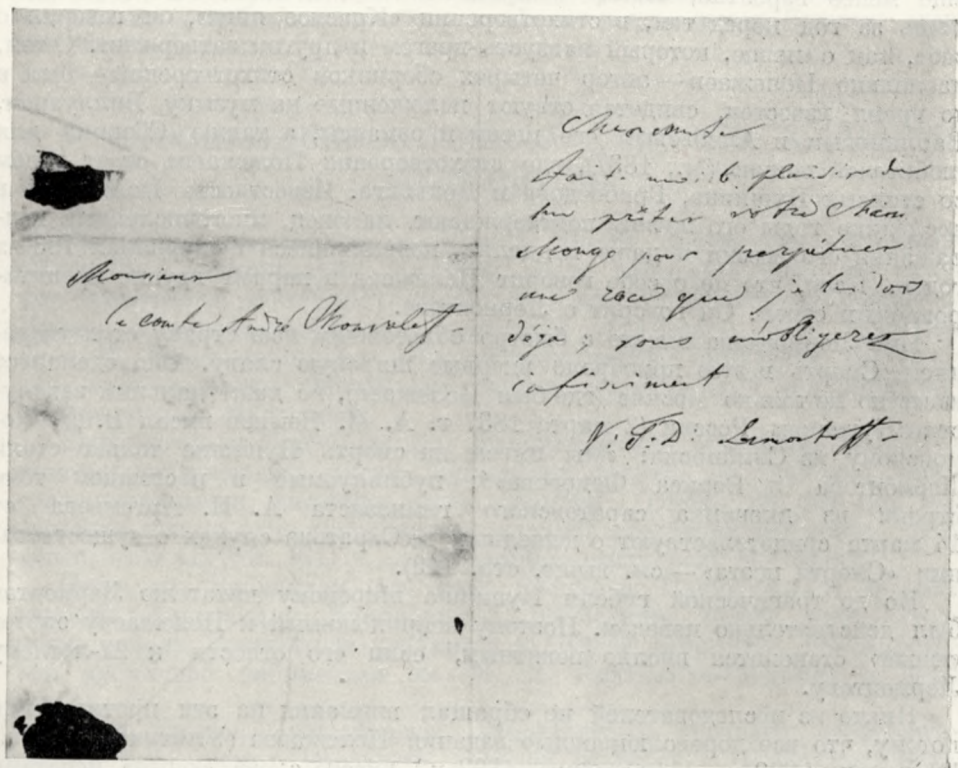
⁶ Село Анна Воронежской губ.

⁷ Архив В. Ф. Одоевского в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

⁸ Впрочем, и сама Е. П. Ростопчина (письмо к А. Дюма) относила начало своего близкого знакомства и дружбы с Лермонтовым к последнему петербургскому периоду его жизни.

IV. ОТКЛИК А. И. ПОЛЕЖАЕВА НА СТИХОТВОРЕНИЕ ЛЕРМОНТОВА «СМЕРТЬ ПОЭТА»

Стихотворение Полежаева «Венок на гроб Пушкина» было опубликовано в 1842 г., через четыре года после смерти самого Полежаева. В изуродованном цензурой виде оно вошло в сборник «Часы выздоровления»¹. Почти сто лет спустя, в 1934 г., Н. Ф. Бельчиков нашел в архиве Московского цензурного комитета в подлинной тетради «Часы выздоровления» автограф этого стихотворения с датой «2 марта 1837 г.»².

АВТОГРАФ НЕИЗВЕСТНОЙ ЗАПИСКИ ЛЕРМОНТОВА

Обнаружен в коллекции рукописей железнодорожного деятеля П. Г. Держва (1826—1881). Незначительная по содержанию, записка эта интересна тем, что адресована Андрею Павловичу Шувалову (1816—1876), приятелю Лермонтова, одному из участников «кружка шестнадцати». Датируется 1838—39 гг., когда Лермонтов и Шувалов вместе служили в лейб-гвардии гусарском полку

Последние стихи V части этой траурной оды Полежаева в автографе читаются так:

И между тем, когда в России изумленной
 Оплакала тебя и старец и младой,
 И совершили долг последний и священный,
 Предав тебя земле холодной и немой;
 И бледная в слезах, в печали безотрадной,
 Поэзия грустит над урною твоей,—
 Неведомый поэт,—но юный, славы жадный,—
 О, Пушкин—преклонил колена перед ней!
 Душистые венки великие поэты
 Готовят для нее — второй Анакреон;
 Но верю я — и мой в волнах суровой Леты
 С рождением его не будет поглощен:
 На пепле золотом угаснувшей кометы
 Несмелою рукой он с чувством положен! *

До сих пор принято было считать, что в строках, выделенных нами разрядкой, Полежаев говорит о себе. Однако трудно представить, чтобы Полежаев на 34-м году жизни мог назвать себя «неведомым поэтом»; еще менее вероятно, чтобы он применил к себе эпитет «юный». Всего лишь за год перед тем, в стихотворении «Красное яйцо», он говорил о себе, как о «певце, который наизусть врагом и другом затвержен». О том, насколько Полежаев — автор четырех сборников стихотворений — был в то время известен, свидетельствуют положенные на музыку Виллуаном, Варламовым и Алябьевым его песни и романсы, а также «Сборник для любителей пения» (М., 1837), где стихотворения Полежаева стоят рядом со стихами Пушкина, Грибоедова и Дельвига. Известность Полежаева в последние годы его жизни подтверждают, наконец, многочисленные подражания его поэзии и даже подделки, появлявшиеся в журналах 1830-х годов. Ясно, что не о себе говорит Полежаев в первой группе процитированных строк. Он говорит о Лермонтове.

Имя Лермонтова вместе с быстро облетевшим всю страну стихотворением «Смерть поэта» приобрело впервые широкую славу. Оно сделалось известно не только Москве (где был Полежаев), но даже дальним захолустным уголкам России (2 марта 1837 г. А. М. Языков писал В. Д. Комовскому из Симбирска: «Мы имеем на смерть Пушкина только стихи Лермонтова и Бориса Федорова»⁴; публикуемые в настоящем томе строки из дневника саратовского гимназиста А. И. Артемьева от 14 марта свидетельствуют о дошедших до Саратова слухах о существовании «Смерти поэта» — см. выше, стр. 142).

Но до трагической гибели Пушкина широкому читателю Лермонтов был действительно неведом. Поэтому неприложимый к Полежаеву эпитет «юный» становится вполне понятным, если его отнести к 22-летнему Лермонтову.

Никто из исследователей не обращал внимания на эти противоречия потому, что все дореволюционные издания Полежаева (Улитина, 1888 г., Ефремова, 1889 г., Введенского, 1892 г.) вместо слова «юный» печатали вариант «смелый»⁵. А один эпитет «неведомый», хотя и противоречил отнесению этих строк к самому Полежаеву, но не столь очевидно, как стоящие в одной строке слова «неведомый поэт, но юный»⁶. После того как в 1939 г. был опубликован текст «Венка на гроб Пушкина» по подлинному автографу Полежаева с вариантом «юный» — все сомнения должны отпасть. Единственно к кому могут относиться эти строки — к молодому

Лермонтову, широкая слава которого началась после создания «Смерти поэта». Кроме того, слова «неведомый поэт, но юный» не являются ли невольным повторением, безотчетным отзвуком известных, запоминавшихся слов Лермонтова:

И он погиб и взят могилой
Как тот певец, неведомый, но милый.

В. Баранов

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Стихотворения А. И. Полежаева. М. — Л., изд. «Academia», 1933, стр. 631—632.

² Н. Бельчиков. Запрещенные цензурой стихотворения Полежаева. — «Лит. наследство», т. 15, 1934, стр. 61.

³ Стихотворения А. И. Полежаева. Вступ. статья, ред. и прим. Н. Ф. Бельчикова. М., «Сов. писатель», 1939, стр. 312 (разрядка наша. — В. Б.).

⁴ Неизд. — ИРЛИ, ф. Языковых (19. 4. 104. — Яз. IV. 1).

⁵ «Славы жадный» — характерный для Полежаева эпитет. Полежаев наделяет им себя (см., например, «Чир-Юрт», I, стр. 49—52). Этой чертой отмечен им и Лермонтов.

⁶ В 1916 г. Н. О. Лернер опубликовал более полный текст «Венка» по авторитетной копии, где впервые был вариант «юный». Однако публикатор предпочел остаться при прежнем чтении, приняв его за авторскую поправку («Русская старина», 1916, № 7, стр. 1—11).

Не случайным является и другой вариант автографа: «поэт» вм. «певец». Полежаев в стихотворениях разных лет четырнадцать раз называет себя «певцом». Зато имя поэта в его творчестве почти безраздельно принадлежит Пушкину (в «Венке на гроб поэта» Полежаев впервые в русской литературе назвал Пушкина «народным поэтом»).

V. НОВОНАЙДЕННОЕ ПИСЬМО О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ЛЕРМОНТОВА

Мемуарная литература о дуэли и смерти Лермонтова чрезвычайно бедна. Все воспоминания о гибели поэта написаны много лет спустя, что, естественно, заставляет относиться к ним с большой осторожностью. Кроме того, непосредственные свидетели трагедии — Э. А. Шан-Гирей и А. И. Васильчиков — в своих воспоминаниях прилагают все усилия для затушевывания собственной неприглядной роли и для оправдания убийцы поэта, Мартынова.

Более ценным и достоверным источником для освещения темных обстоятельств последней дуэли Лермонтова явились бы, конечно, письма современников и очевидцев этого события. Однако до сих пор было известно только одно такое письмо дальней родственницы поэта, Е. Быховец, от 5 августа 1841 г., напечатанное шестьдесят лет назад¹.

Ниже мы публикуем еще одно письмо из Пятигорска в Петербург некоему Александру Кононовичу², написанное шесть дней спустя после гибели Лермонтова (хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде).

Автор письма, — петербуржец, представитель среднего, неродовитого дворянства, — некто Полеводин, приехал лечиться в Пятигорск в начале июня 1841 г. (не тот ли это Петр Тимофеевич Полеводин, который упоминается в материалах архива Д. П. Ознобишина?)³. Не принадлежа к компании гвардейской молодежи, окружавшей Лермонтова, Полеводин, тем не менее, имел возможность близко наблюдать ее времяпрепровождение. Простота пятигорских нравов, возможно, позволила ему и лично познакомиться с некоторыми из действующих лиц драмы.